

Д.А. Катунин

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ НАПРАВЛЕНИЯ
ДВИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА***

Рассматривается вопрос о возможности определения направления движения времени в национальной картине мира. Заявленная проблема решается посредством анализа темпоральной метафорической лексики современного русского языка.

...Я начну с того, что припомню всё тёмное и невразумительное, что связано со временем... Одно из таких мест, не самое тёмное, но и не самое ясное, касается направления времени. Все считают, что оно течёт из прошлого в будущее, но вполне вероятно и обратное... И то и другое одинаково правдоподобно и одинаково непроверяемо.

Хорхе Луис Борхес. «История вечности»

I. Действительно, ни в естественных науках, ни в философии не существует единого ответа на вопрос о том, куда же течёт время (при условии, что оно вообще «течёт»). Прежде всего, это происходит потому, что свойства, которые приписываются времени в философии, физике и т.д., являются не более чем умозрительными выводами, основанными на конвенциональных допущениях и предположениях, тогда как, очевидно, единственным более или менее объективным «инструментом» для познания проблемы времени может быть признан только язык.

В языке же, в свою очередь, время (как и прочие абстрактные категории и понятия) обозначается преимущественно при помощи метафорической лексики. Например, даже столь употребительная (в том числе и в естественных науках) процессуальная характеристика времени как «*время течёт*» является в основе своей метафорой, посредством которой время уподобляется некоему потоку жидкости, реке («принимая» тем самым на себя весь ассоциативный комплекс, присущий данному образу). Обозначение же «*течения*» времени (или практически любого другого его свойства) каким-либо иным, *неметафорическим* способом представляется крайне проблематичным (а иногда и невозможным в принципе).

Поэтому мы попытаемся найти решение заявленной проблемы (определение направления движения времени в русской национальной картине мира) через анализ соответствующего материала (метафорической лексики) русского литературного языка и так сформулируем свою задачу: определить на-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда «Оксфорд – Россия» (Oxford Russia Fund).

правление «течения» времени, исследуя языковое отражение, воплощение категории времени (то есть рассмотреть направление «движения» времени как фрагмент русской языковой картины мира – РЯКМ).

II. Для решения этого вопроса прежде всего необходимо развести те ситуации, в которых говорится о течении (движении) времени как некоей безграничной величины (*время идёт, течёт*), и те, в которых указывается на движение каких-либо отдельных отрезков времени, градуированных человеком на том или ином основании (*час, день, век и т.д.*). Такое разграничение имеет первостепенную важность для решения поставленного вопроса, так как от того, имеется ли в виду движение «безграничного» времени или какого-либо отрезка времени, зависит сама возможность определения направления движения времени в принципе. Ибо в тех случаях, когда говорится о течении безграничного времени (*время идёт, дни бегут и т.п.*), мы ничего не можем сказать о направлении его движения (или, напротив, можем сказать всё что угодно, ибо какой-либо более или менее объективной проверке эти умозаключения не могут быть подвергнуты).

Иные выводы позволяет сделать анализ тех случаев, когда говорится о движении каких-либо отрезков времени, так как временные промежутки всегда маркированы по их принадлежности к будущему, прошлому или настоящему и, соответственно, представляется возможным проследить направление их «перемещения». Рассмотрим несколько ситуаций (моделей) подобного рода. Движение времени выражается при помощи следующих сочетаний: *близится полночь, день уходит, год прошёл и т.п.*

Проанализируем подробнее одно из этих выражений со словом **приближаться** (исходное значение: *Переместиться на более близкое расстояние к кому-, чему-л.*; переносное значение: *Стать близким по времени*). Рассмотрим ситуацию, которая метафорически обозначается посредством выражения *приближается ночь*: человек стоит в некоем пространстве, обратившись лицом в ту сторону, где расположено будущее; ему навстречу движется *ночь*. (Понимание будущего как того, что *впереди*, а прошлого – того, что *позади* зафиксировано в словарных статьях «впереди» и «позади», кроме того, такая закономерность отмечается и многими исследователями: «...*впереди* всегда относится к будущему, а *позади* – к прошлому» [1. С. 73]; «...Будущее ассоциируется у нас с тем, что «впереди», прошедшее – с тем, что «позади» нас» [2. С. 21] и т.д.). Таким образом, *ночь*, находящаяся ещё *в будущем, идёт, приближается* к ожидающему её человеку, находящемуся в настоящем, и постепенно *уходит в прошлое*. То есть отрезки времени в такой интерпретации всегда понимаются как приходящие откуда-то спереди, из будущего. В качестве иллюстрации, подтверждающей приближение времени именно навстречу человеку, могут быть приведены следующие строки: *Попрыгунья стрекоза Лето красное пропела; Оглянуться не успела, Как зима катит в глаза* (Крылов). Отнесённость ещё не наступивших отрезков времени, событий к области прошлого достаточно чётко обнаруживает себя во внутренней форме слова в номинации времён: прошлое – «то время, которое уже прошло». Данная особенность номинации может рассматри-

ваться и в качестве одного из доказательств того, что динамическая ЯММДВ является доминирующей в РЯКМ, поскольку именно для этой модели характерно такое осмысление направления движения времени.

Языковая модель, для которой характерно данное направление движения времени, обозначается нами как динамическая и по ряду своих признаков является наиболее употребительной в русском языке. О подобной интерпретации направления движения времени (из будущего – через настоящее – в прошлое) Ю.С. Степанов говорит как о единственно возможной: «*В нашем современном обществе время представляется нам идущим откуда-то «спереди», по линии нашего взгляда навстречу ему, из бесконечности к нашим глазам*» [2. С. 21]. Такой же позиции придерживается и Б.А. Успенский, говоря о том, что «*будущее приходит к нам*» [3. С. 30]. (Языковые же сочетания, с помощью которых выражается течение «безграничного» времени, хотя и не подлежат строгой идентификации в плане определения направления движения времени, по ряду определяющих признаков (прежде всего – «позиция» времени: *движется* и человека: *статичная*), несомненно, также могут быть отнесены к динамической модели.)

Вторую модель задают выражения с обстоятельствами времени (места), которые ещё более определённо позволяют говорить о направлении движения времени: *время движется к полночи, день близится к концу и т.п.* Эти языковые сочетания, несмотря на своё формальное сходство со средствами выражения движения времени в предыдущей модели, прямо противоположны им в плане определения направления движения времени.

Когда говорится, что *время движется к полночи*, то имеется в виду следующая ситуация: Пространство, в котором два ориентира – «место» человека (момент настоящего) и *полночь* (к которой и движется время); между настоящим временным положением человека (т. е. тем моментом, который описывает данная фраза) и *полночью* констатируется некоторое временное расстояние. Вместе с тем среди потенциальных значений этого выражения заключено и такое, которое подразумевает, что это расстояние каким-либо образом будет «преодолено». Однако такое преодоление зависит не от *полночи*, которая статична (или какого-либо другого отрезка времени), и не от самого человека, позиция которого здесь столь малозначима, что даже не оговаривается. Следовательно, остаётся только такой вариант, при котором время в своём движении «подхватывает» человека и «приводит» («приносит») его к упомянутому отрезку времени (в данном случае – к полночи). Так как «временное перемещение» человека понимается только как возможное вперёд (то есть в будущее), то и направление движения времени может быть определено в данном случае как из прошлого в будущее. (Подобная интерпретация соотносится и с пониманием положения полночи: так как она ещё не «наступила», то, следовательно, она ещё в будущем; время же в таком случае движется из прошлого в будущее – к *полночи*). Можно добавить, что движение времени в рассматриваемой модели может пониматься не только как прямолинейное, но и как дугообразное: *день клонится к вечеру (к закату)*. Очевидно, что исходной ситуацией для

образования данной метафоры послужило наблюдение за движением солнца по небосклону (сравните: *солнце клонится к закату*).

Кроме уже рассмотренных сочетаний с предлогом «к», к средствам выражения данной модели могут быть отнесены такие сочетания, как *с того* (т. е. прошлого) *времени* (до настоящего момента) *прошло столько-то времени*. В данном выражении направление движения времени (из прошлого – к настоящему) обозначено ещё более отчётливо.

К характерным особенностям этой модели следует отнести и то, что время и человек здесь перемещаются в одном направлении в пространстве, которое заполнено временными ориентирами. Данный признак (однонаправленность движения времени и человека) может быть взят в качестве доминирующего для номинации рассматриваемой модели, которая в таком случае может определяться как *синхронная*. Причём данное обозначение, на наш взгляд, должно рассматриваться не как *видовое*, но как *родовое*, так как под него подпадает ещё несколько моделей, которые выражаются с помощью таких сочетаний: *идти в ногу со временем, обогнать своё время, отстать от своего времени; время несёт (везёт, уносит) нас и т.д.* Однако необходимо отметить, что направление движения времени в данной группе моделей является признаком в достаточной степени факультативным, так как основными их функциями являются оценка развития каких-либо действий человека (*отстал от времени*); акцентирование его (человека) пассивной позиции по отношению к движению времени (*время уносит нас*) и т.д. Кроме того, во всех сочетаниях этих моделей говорится уже не о движении отрезков времени, а о течении некоего безграничного времени, что, соответственно, должно затруднять определение направления движения времени.

Поэтому для более полного понимания проблемы определения направления движения времени в моделях, выражаемых при помощи таких сочетаний, представляется целесообразным обратиться к ещё одной модели, которая напрямую к теме данной работы отношения не имеет (так как время в подобной интерпретации не движется). В этой модели оно (время) уподоблено пространству (*полю, дороге и т.п.*), а обозначения временных отрезков – физическим, пространственным ориентирам. Движется же (ибо понятие *движения* является ключевым и даже обязательным для понимания категории времени) в такой модели человек. Отрезки времени, которые упоминаются в сочетаниях, представляющих данную модель (*войти в новый год, предстоящий день, идти к этому дню, нас ждёт тяжёлая неделя и т.п.*), позволяют сделать заключение, что человек в такой интерпретации движется в будущее. (Об окказиональных вариантах выражения данной модели, где возможно движение и в прошлое, смотрите ниже.)

Подтверждением подобного рода выводов является и тот факт, что движение человека во (по) времени отражает закономерности его филогенеза, когда характерные особенности роста человека (взросление, старение и т.д.) метафорически представляются как этапы некоего жизненного пути от рождения к смерти. И как развитие человека возможно только в «одном направлении» (например, взросление – но никак не наоборот), так и его движение (независи-

мо от того понимается ли это движение как самостоятельное и независимое от времени либо же как совместное с ним), возможно только от прошлого к будущему.

Такое понимание направления движения человека во времени может быть спроецировано и на проблему понимания направления движения времени в синхронных моделях, ибо наравне со *временем* в них движется и *человек* (чьё присутствие в этих моделях достаточно чётко проговорено). Движение же человека, как уже было показано выше, принципиально возможно только в будущее.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы. Определение направления движения времени возможно только в тех случаях, когда речь идёт об отрезках времени (их движении либо их расположении в «пространстве»), а не о течении некоего «безграничного» времени. Движение времени в РЯКМ в различных ЯМДВ понимается как из будущего в прошлое, так и из прошлого в будущее. Доминирующим является понимание движения времени из будущего в прошлое в *динамической ЯМДВ*.

III. Во всех ситуациях, рассмотренных выше, независимо от того, кто в них является субъектом движения (*время* или *человек*), и от того, в каком направлении происходит такое движение (*из прошлого в будущее* или *из будущего в прошлое*), движение возможно только вперёд (что ещё раз подчёркивает необратимость, невозвратность этого процесса).

Однако в художественных текстах встречаются метафорические сочетания, в которых реализуются смыслы, потенциально заключённые в языковых метафорах. То есть если какой-либо субъект движения обладает способностью перемещаться вперёд, то, следовательно, он гипотетически, потенциально должен иметь способность двигаться и назад (прежде всего, по аналогии с ситуацией, исходной для данной метафорической модели, – передвижением в физической среде). Например, в статической модели «движения» времени такое свойство проявляется в том из значений, где говорится о развитии (движении) общества в историческом «пространстве». Причём в подобной ситуации присутствует аксиологическая семантика, сводимая в целом к следующим положениям: движение вперёд оценивается положительно, назад – отрицательно (определения отрезков времени, нередко присутствующие в таких сочетаниях, служат дополнительным оценочным маркером): *Мы идём к (светлому) будущему; / Мы идём, **возвращаемся** (!) к прошлому (тёмному, мрачному и т.п.)*. Здесь, очевидно, можно говорить о проявлении всеобщей «архетипической» оценке пространственных перемещений по шкале «хорошо» / «плохо» – соответственно вперёд / назад, вверх / вниз, вправо / влево. Необходимо заметить, что применительно к статической модели будет несколько неверным противопоставление языковых и художественных метафор, так как данная модель выражается преимущественно при помощи метафор второго типа. Скорее, в этом случае следует говорить о первичности (идти вперёд) и вторичности, производности (идти назад) метафор, отражающих то или иное направление движения времени (вперёд или назад). Отметим, что сочетания

с подобной семантикой характерны прежде всего для публицистических текстов.

Вместе с тем движение времени (а не человека или общества) назад не обязательно воспринимается как однозначно негативное. Об этом может свидетельствовать, например, следующий фрагмент: В воздухе зависли ностальгические грезы и сентиментальное ретронастроение. **Казалось, время внезапно остановило свой бег, недолго потопталось на месте, а затем двинулось назад – обратно в восьмидесятые** (А. Кушнир). То есть время шло в будущее (вперёд), остановилось и пошло в прошлое (назад) – в восьмидесятые (и такое «возвращение» здесь оценивается как желаемо-недостижимое и *положительное*).

Кроме направленности, всякое движение предполагает какую-либо траекторию и, соответственно, может быть охарактеризовано и по её форме (в «горизонтальной» и «вертикальной» плоскостях): прямолинейное, параболическое и т.д. Однако в случае с движением *времени* такой параметр, как траектория, актуализируется очень слабо.

Анализ тех немногочисленных случаев, в которых траектория движения времени как-либо оговорена, позволяет сделать следующие выводы.

В «вертикальной» плоскости движение времени может быть уподоблено дугообразной кривой: *день клонится к вечеру, его жизнь клонилась к закату и т.п.*

Среди характерных особенностей подобного представления траектории движения времени наиболее ярко выделяются такие: а) подобным образом характеризуются только отрезки времени, которые предполагают «стандартно» оцениваемые начало и завершение (*год, сутки (день), жизнь*); б) в языковых метафорах проговаривается только спуск (*клониться*), но не подъём; в) в данной номинации движения времени может быть актуализирована оценочная семантика *верх / низ*, например: *жизнь клонится к закату = жизнь заканчивается*.

В художественном тексте эта метафора может получить, например, следующее развитие: *Куда течёт из года в год / часов и дней сумятица? / **Наверх по склону жизнь идёт, / а вниз по склону катится*** (Губерман). В статической модели наблюдается сходная ситуация при употреблении таких языковых метафор, как (*находиться*) *на склоне дня, на склоне лет и т.п.: на склоне*.

В «горизонтальной» плоскости траектория движения времени проговорена в ещё меньшей степени (даже на уровне художественных метафор). Здесь нами был обнаружен только один случай отражения горизонтального «искривления» движения времени: *Солнце шло сторонкою, **да время – стороной*** (Башлачев). Очевидно, что с помощью этого выражения обозначаются положение, некая позиция героя в жизни: *в стороне от хода жизни, событий и т.п.* Достаточно близко к описанной ситуации по своему значению и следующее выражение: *Я вдруг оглянулся: вокруг никого. / Пустынно, свежо, одиноко. / **И я – собеседник себя самого – / у времени с боку прилёка*** (Губерман). (Отчасти, значение обоих этих фрагментов может быть выражено также с помощью сочетаний, относящихся к *динамической* и *синхронной* мо-

делям: *Время (эти события) проходило мимо меня* [где акцент на слове *мимо*]; *Я никогда не мог поспеть за временем и т.п.*). То есть здесь констатируется позиция аутсайдера по отношению к неким глобальным «экзистенциальным» категориям – жизни, истории и т.д.

В статической модели «горизонтальная» вариативность движения человека во времени представлена несколько шире, что обусловлено в первую очередь большей задействованностью исходного образа пространства, в котором происходит движение, по сравнению с другими моделями (динамической и синхронными): *столбовая дорога истории, окольные пути истории и т.п.* Здесь следует отметить несомненную этическую ориентированность такого пространства. В подавляющем же большинстве случаев в связи с тем, что траектория движения времени зачастую никак не оговорена, представляется целесообразным считать такое движение прямолинейным.

Литература

1. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
2. *Степанов Ю.С.* Счёт, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989. № 4, 5.
3. *Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья вторая // Труды по знаковым системам. XXIII. Тарту, 1989.